

Цветут оливы, насажденны
Елисаветиной рукой,
Что новых светов досягает;
От той Европа ожидает,
Чтоб в ней восставлен был покой
(Ода на день восшествия на престол
1746, 106)

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют,
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли

(Ода на день восшествия на престол
1747, 115)

Присутствие топоса «тишины» в ломоносовских одах не раз отмечалось в посвященных творчеству поэта научных трудах, однако исследователи ограничивались только констатацией факта его распространенности у Ломоносова, не пытаясь понять место и значение данного топоса в художественном мире поэта. Вместе с тем «тишина», как я думаю, связана с самой сутью мирообраза «нашего Пиндара, Цицерона и Вергилия», выражая его на языковом уровне текста.

Рассматривая «тишину» в ломоносовских одах, нельзя не обратить внимания на ее странное соседство с движением, шумом, войной, вообще динамикой разного рода. Это удивительно, ведь тишина, если понимать ее как состояние и видеть в ней умиротворенность, покой, в принципе противоположна всякой внешней активности. У Ломоносова же такой противопоставленности нет, более того, в некоторых случаях наступление «тишины» прямо сопровождается чрезвычайными потрясениями:

Но холмы и древа, скачите,
Ликуйте, множество озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит
(Ода на прибытие императрицы
Елисаветы Петровны
1742, 91)

Примеры подобного рода заставляют задуматься над тем, что, собственно говоря, представляет для Ломоносова «тишина», какое значение доминирует в ней. Для ответа на такой вопрос в первую очередь надо обратиться к семантике данного слова. Ее достаточно хорошо вскрывают те синонимы, при помощи которых происходит словесное воплощение интересую-